

УДК: 101.1:316

А. М. Соколов, Л. С. Камнева*

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: ОТ ИСТОРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИИ**

***Аннотация:** В статье авторы ставят перед собой цель — представить исторические воззрения Н. Я. Данилевского в качестве основания политической философии России. По мере ее достижения решается несколько задач. Во-первых, в статье обосновывается тезис о том, что учение русского мыслителя правильнее квалифицировать не как геополитическую, а как психо-историческую концепцию. Во-вторых, авторы подчеркивают, что, согласно взглядам русского мыслителя, именно нравственно-психический элемент лежит в основании культурно-исторического типа. Другими словами, Данилевского принципиально интересует субъект, а не объект деятельности. Его интересует свобода, а не детерминация, потому что в свободе осуществляется дух человека — в его историческом (временном) и политическом (пространственном) выражении. В-третьих, авторы показывают, что «терпимость» в качестве основной черты русского характера может быть понята как великодушие, благодаря которому русский народ оказался способным «вынести» наибольшую «долю свободы» в сравнении с другими народами и имеющим наименьшую «склонность злоупотреблять*

* Соколов Алексей Михайлович — доктор философских наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; a.m.sokolov@spbu.ru

Sokolov Aleksey Michajlovich — Doct. Sci. (Philosophy), research associate, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Associate Professor, Professor Department of Social Philosophy and Philosophy of History, SPb University, research associate, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; a.m.sokolov@spbu.ru

Камнева Лолита Сергеевна — кандидат философских наук, преподаватель, Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского, Санкт-Петербург; l.kamneva@spbu.ru

Lolita S. Kamneva — PhD, Lecturer, Mozhaisky Military Space Academy, Saint Petersburg; l.kamneva@spbu.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00533, <https://rscf.ru/project/24-28-00533/>; the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

ею». Далее авторы обращают внимание на одно из ключевых положений учения Н. Я. Данилевского о том, что подлинная свобода человека осуществима только в горизонте национальной независимости, что наилучшим образом продемонстрировано в истории России. В завершение исследования авторы на основании историографии, предложенной Н. Я. Данилевским, показывают, как великодушные русского национального характера осуществлялось на протяжении нескольких веков, формируя политическую состоятельность России и предвосхищая ее цивилизационную перспективу. Наконец, авторы подчеркивают, что идея «всеславянской цивилизации» играет не концептуальную, а служебную роль и легко может быть переосмыслена в изменяющихся исторических обстоятельствах.

Annotation. In the article, the authors set themselves the goal of presenting the historical views of N. Ya. Danilevsky as the basis of the political philosophy of Russia. As it is achieved, several tasks are solved. First, the article substantiates the thesis that the teaching of the Russian thinker is more correctly qualified not as a geopolitical, but as a psycho-historical concept. Secondly, the authors emphasize that, according to the views of the Russian thinker, it is the moral and psychological element that underlies the cultural and historical type. In other words, Danilevsky is fundamentally interested in the subject, not the object of activity. He is interested in freedom, not determination, because in freedom the human spirit is realized — in its historical (temporal) and political (spatial) expression. Russian Russians tend to be generous. Thirdly, the authors show that “tolerance” as the main trait of the Russian character can be understood as generosity, thanks to which the Russian people turned out to be able to “endure” the greatest “share of freedom” in comparison with other peoples, and having the least “tendency to abuse it”. Further, the authors draw attention to one of the key provisions of N. Ya. Danilevsky’s teaching that true human freedom is possible only in the horizon of national independence, which is best illustrated in the history of Russia. At the end of the study, the authors based on the historiography proposed by N. Ya. Danilevsky, as the generosity of the Russian national character, has been carried out for several centuries, shaping the political viability of Russia and anticipating its civilizational perspective. Finally, the authors emphasize that the idea of an “all-Slavic civilization” plays not a conceptual, but an official role, and can easily be rethought in changing historical circumstances.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, история России, политическая философия России, психо-исторический принцип, культурно-исторический тип, славянство, национальное самосознание.

Keywords: N. Ya. Danilevsky, history of Russia, political philosophy of Russia, psycho-historical principle, cultural-historical type, Slavs, national identity.

Николая Яковлевича Данилевского нередко называют одним из основоположников геополитики. Те, кто в Данилевском видят прежде всего геополитика или даже основоположника геополитики, конечно же, имеют в виду то, что в наиболее знаменитом своем сочинении он, в самом деле, уделил значительное внимание топографическим аспектам, пытаясь определить и что такое Европа,

и специфику международного статуса России. Оспаривать этот факт бессмысленно, тем более что есть еще ряд малых произведений нашего философа и ученого, в которых он размышляет о политике, оперируя географическими категориями, выстраивая аргументацию с учетом пространственного фактора. Тем не менее наличие у какого-либо явления даже ярко выраженного признака или качества не говорит о его существенности. Разве рассматриваем мы цвет или даже размер слона в качестве того, что выделяет его среди других представителей фауны? Или ближе к нашей теме: разве малый размер Швейцарии и Нидерландов указывает на такую же их незначительную роль в европейской, да и мировой политике?

К собственно геополитическим правомерно было бы отнести размышления Данилевского о местоположении Константинополя (Царь-Града, Византии, Стамбула), его роли в европейской политике и принципиальной заинтересованности России в решении проблемы выхода в средиземноморский регион. Применительно к некоторым публицистическим статьям с этим можно согласиться. Хотя, на наш взгляд, локальность проблемы умаляет эвристическую значимость ее решения и сужает до методологического уровня. Кроме того, если мы обратимся к четвертой главе «Россия и Европа», то увидим, с какой иронией Данилевский относится именно к топографической идентификации Европы, называя ее «одним из полуостровов Азии». Интересно и замечательно то, что Данилевский как бы «разоблачает» самое наглядное, а стало быть, достоверное, непротиворечивое, строгое естественно-научное знание Европы о самой себе в то время, как именно такое позитивное знание считается одним из наиболее выдающихся достижений «романо-германской» (западной, европейской) цивилизации.

Данилевский же, по образованию и по роду деятельности являясь практикующим натуралистом, естествоиспытателем, можно сказать, отказывается от общепринятой естественно-научной методологии. Задолго до того как в Германии В. Дильтей и В. Виндельбанд разработали принципы методологической демаркации наук «о духе» («культуре») и «о природе», русский мыслитель практически продемонстрировал эвристический потенциал «методы», которая опирается не на объясняющую систематизацию внешних взаимодействий физических предметов, а на понимание внутренней организации деятельности людей, которые эту стихийную предметность претворяют в стройную определенность цивилизации.

Другими словами, Данилевский фиксирует внимание совсем не на внешних обстоятельствах, в которых разворачивается то или иное событие. Он делает акцент исключительно на внутреннем содержании и самоопределении того, кто переформатирует предпосланные обстоятельства. Данилевского принципиально интересует субъект, а не объект деятельности. Данилевского интересует источник мощи, подчиняющей себе объективные обстоятельства. Данилевского интересует свобода, а не детерминация, потому что в свободе осуществляется дух человека — в его историческом (временном) и политиче-

ском (пространственном) выражении: «Общественные явления не подлежат никаким особому рода силам, следовательно, и не управляются никакими особыми законами, кроме общих духовных законов» [1, с. 194].

Вспомним изначальные определения истории и политики. Вспомним Геродота и Аристотеля. Как у первого «История» — это свободное исследование содеянного людьми, так и у второго «Политика» — это исследование делаемого людьми. И пусть даже Аристотель скептически относился к эвристической стороне исторического повествования, его «Политика» по сути является ничем иным, как историческим обобщением форм политической деятельности и организации и греков, и всех, в чьем окружении они себя находили. Какую бы более или менее известную историю древности мы ни взяли, мы везде найдем политику. А кроме политики — ничего. Фукидид, Ксенофонт, Полибий, Тит Ливий — все в истории видели только политику. И история, таким образом, изначально содержательно была предвосхищением политической философии.

В рамках данного исследования нет возможности более подробно останавливаться на хронологии становления политической философии в контексте развития исторического знания. Хотя в развитие нашего тезиса правильнее было бы вспомнить Августина Аврелия и Никколо Макиавелли ввиду того, что они открывают — первый в истории, второй в политике — психологическое измерение, в котором актуализируется многообразие уникальных проявлений человеческой воли. Правда, как у первого, так и у второго эти проявления, с одной стороны, полагаются в негативном понимании (греховность — порочность); а с другой стороны, они характеризуют отдельных индивидов. И вся история, а вместе с ней и политика, сводится к деятельности боговдохновенных или харизматических личностей, удерживающих подверженные страстям массы людей в более-менее подобающем человеку состоянии.

Данилевский же впервые связывает порядок исторического миропорядка не с одним-единственным универсально действующим началом. Он видит присутствие универсального начала во множестве проявлений. Каждое из них русский мыслитель связывает с определенным культурно-историческим типом. У любого из таких типов, или цивилизаций, имеется собственная субстанциальная предпосылка, своеобразное подлежащее, в котором как бы сконцентрирована, духовная энергия народа, воплощающаяся в ценностных свершениях по мере его цивилизационного расцвета. В основании каждого культурно-исторического типа лежит тип психологический. У каждой цивилизации своя собственная душа, разумность которой может проявляться в нескольких простых или сложных модусах.

Здесь нельзя не отметить, как решительно Данилевский отвергает идею естественной предопределенности психологического строя, а вместе с тем интеллектуальных способностей того или иного народа. Биометрическая френология шведского антрополога Андреса Ретциуса в середине XIX века была не просто популярна. Ее влияние стремительно росло. Более того, оно транслируется до сих пор в парадигме современного натуралистического по-

зитивизма. Замечательно то, с какой уничтожающей иронией, подкрепленной безупречной аргументацией, логикой, знанием материала и пониманием проблемы Данилевский разоблачает внешне стройную теорию. И тем самым наряду с методологической несостоятельностью превратно понятой учености он обосновывает ее ценностно-мировоззренческую ограниченность.

Оставляя в стороне вопрос о том, что же сподвигло натуралиста и естествоиспытателя Н. Я. Данилевского в качестве исходного принципа своей теории опереться отнюдь не на материалистический постулат, просто примем к сведению то, что как история, так и политика в его понимании разворачиваются в сфере духа, или, если угодно, в сфере сверхъестественной реальности, каковой и является мир человека. Отсюда понятно, почему Данилевский связывает национальную психологию с нравственными идеалами народа, которые априорно ему присущи.

Конечно, здесь Данилевского можно было бы упрекнуть в методологическом произволе. Однако критикам следует помнить, во-первых, что он почти никогда не делает категорических утверждений. Его обоснования — это рассуждения, опирающиеся на фактическую очевидность* исторической данности. А во-вторых, в его предварительных комментариях сформулированы требования к последующим суждениям, предельно минимизирующие их недостоверность. Приведем полностью отрывок, в котором Данилевский устраняет любые возможные упреки в адрес избранного им метода:

«Ежели бы нам удалось найти такие черты национального характера, которые высказывались бы во всей исторической деятельности, во всей исторической жизни сравниваемых народов, то задача была бы решена удовлетворительно, ибо если какая-либо черта народного характера проявляется во всей истории народа, то необходимо заключить, во-первых, что она есть черта, общая всему народу, и только по исключению может не принадлежать тому или другому лицу; во-вторых, что эта черта постоянная, не зависящая от случайных и временных обстоятельств того или другого положения, в котором народ находится, той или другой степени развития, через которые он проходит; наконец, в-третьих, что эта черта существенно важная, если могла запечатлеть собой весь характер его исторической деятельности. Такую черту вправе мы, следовательно, принять за нравственный этнографический признак народа, служащий выражением существенной особенности всего его психического строя» [1, с. 215—216].

Итак, «нравственно-этнографический признак» как свойство народа Данилевский принимает в качестве исконно-подлинного истока конкретной цивилизации, в которой, в свою очередь, проявляется одна из актуализаций всеобщего Универсума. Стало быть, цивилизационный уровень проявленности

* Нам представляется, что способ обоснования, к которому прибегает Данилевский, напоминает феноменологическую дескрипцию, осуществляемую в конкретике культурно-исторической данности.

Универсума в логике учения Н. Я. Данилевского носит не геополитический, а психо-исторический характер.

В своем исследовании, как мы знаем, Данилевский подробно останавливается только на двух психо-исторических типах: романо-германском и русском. Роман-германский тип интересует Данилевского в большей степени потому, что ему важно продемонстрировать коренное отличие русских от европейцев, а как следствие — цивилизационную несовместимость России и Запада. Нас же интересует только то, что относится к России, в историческом опыте которой нам важно обобщить факты, подтверждающие устойчивую зависимость ее политических свершений как предпосылку ее цивилизационной перспективы. Ведь мы помним, что, согласно Данилевскому, политическая состоятельность того или иного народа в конечном счете оправдывается процветанием всех сфер культуры. А для культурно-исторического типа, идущего на смену романо-германскому, это тем более значимо, что он впервые может стать четырехосновным. Это уточнение тем более важно, что в понимании Данилевского именно «насильственность как коренная черта европейского характера» [1, с. 222], выражающая «существенную особенность психического строя» [1, с. 216] не позволила в полной мере романо-германскому типу развить все четыре сферы культуры. Несмотря на то, что «политическим смыслом и способностью для культурного развития: научного, художественного и промышленного» романо-германский народы оказались «богато одаренными», всем их «великим задаткам не суждено было ... осуществиться вполне ... И препятствием к сему послужили насильственность их энергического характера...» [1, с. 575].

В русском же характере Данилевский выделяет «терпимость», которую, по нашему мнению, надо понимать как великодушие. Нам нет необходимости стремиться к антонимному противопоставлению, чего, очевидно, добивался Данилевский, подчеркивая совершенное отличие русского от европейца, России — от Европы. К тому же в тех примерах, с помощью которых Данилевский иллюстрирует исконно-подлинные черты русского характера, мы видим именно великодушие, т. е. величие души — широту, глубину понимания проблем, сопутствующих истории русского народа, прозрение открывающихся перспектив, жертвенность, бескорыстие, смирение и бесстрашие.

В самом деле, возьмем ключевые моменты давней русской истории. Призвание новгородцами Рюриковичей, Крещение Владимиром, добровольное подчинение Александра Ярославовича Батыю, Смута и призвание Романовых, Раскол, реформы Петра — все эти события были потрясениями для нашего народа. То, что они, как правило, персонифицированы в лице того или иного правителя, не отменяет широкой и глубокой вовлеченности в них общества в целом и наличия нерушимого внутреннего единства верховной власти и всех слоев общества.

Парадоксально, но ведь, если вдуматься, Крещение огромного языческого народа, занимающего обширные территории, не менее изумительно, чем призвание на княжение чужеземных варваров-варягов или признание верховенства

полудикого ордынского хана. На их фоне церковный Раскол и петровская модернизация не кажутся такими уж сверхрадикальными трансформациями уклада русской жизни. Однако в любом случае речь идет о пертурбациях, пережив которые, Русь только усиливалась благодаря именно тем чертам национального характера, которые мы, следуя логике Данилевского, свели к великодушию.

В связи со всеми этими фактами русской истории наш ученый-философ говорит об «исторической, или политической, аскезе, заключающаяся в различных формах зависимости, которую выдерживает народ, предназначенный для истинно исторической деятельности» [1, с. 280]. Но что такое аскеза, если не утверждение свободы. Свобода парадоксальна, алогична, чудесна, если угодно. Свобода — это дух, который волен принимать самые невероятные, строгие и жесткие формы. В этом смысле и

«...зависимость играет в народной жизни ту же роль, какую играет в жизни индивидуальной школьная дисциплина или нравственная аскеза, которые приучают человека обладать своею волею, подчинять ее высшим целям» [1, с. 280].

При том что само такое подчинение с разной степенью интенсивности присуще каждому: от верховного правителя до простолюдина. В каждом «зависимость напрягает силы и ... постоянно приводит ... к сознанию значения народной свободы и чести, приучает подчинять личную волю общей цели» [1, с. 280].

И, когда мы читаем у Данилевского, что «едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею» [1, с. 585], мы понимаем, что он имеет в виду и самого обыкновенного крестьянина, который не только пашет землю и платит подати, но в случае необходимости с легкостью превращается в защитника земли, на которой он трудится, и самого знатного вельможу, который, конечно, способен при случае «прихватить от государевых богатств», но и по первому слову готов отдать тому государю все, что у него есть, и жизнь в том числе. Вот почему он был убежден в том, что

«...это внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объемлющее собою всю государственную сторону его бытия, и составляют причину того, что русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние дисциплинированного энтузиазма, волею его государя, независимо от непосредственного возбуждения отдельных единиц-личностей, составляющих народ, тем или другим интересом, событием или вообще возбуждением» [1, с. 552].

И по тому же самому многомиллионный

«...народ, способный, по искреннему слову главы своего и представителя, составляющего живой центр его сознания, чувства, мысли и воли, прийти в состояние дисциплинированного энтузиазма, — есть сила, которой мир давно уже, или даже вовсе еще, не видал» [1, с. 552].

Можно сказать, что Данилевский, по сути, раскрывает диалектику «русской свободы», осуществляющейся и переживаемой на общенациональном уровне. Индивидуальная свобода — это самообман, который проистекает из «чрезмерно развитого чувства личности», в котором, как мы помним, наш философ усматривал источник романо-германской насильственности, превращающую «стремление к свободе во властолюбие и тщеславную страсть людей к вмешательству в дела, выходящие из круга их понятий» [1, с. 585]. И тема славянства в данном случае с исключительной очевидностью раскрывает суть проблемы. Невозможна никакая личная свобода, пока твой народ пребывает в состоянии «рабства», «данничества» или «феодализма», пока все результаты его деятельности — промышленной, умственной и общественной, приносятся в жертву чуждому политическому телу, а не составляют его полную собственность [1, с. 36].

Только национальное единство, оформленное в государственном суверенитете как самодостаточная исторически устойчивая форма общности может обеспечить личную свободу каждого своего члена: «Государство есть такая форма, или такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу» [1, с. 265]. При этом Данилевский делает очень важное дополнение:

«Такое определение кажется мне вполне удовлетворительным, если жизнь, честь и свободу личности понимать в обширном значении этого слова, т. е. не одну индивидуальную жизнь, честь и свободу, но также жизнь, честь и свободу национальную, которые составляют существенную долю этих благ. Для чего в самом деле скопляться миллионам и десяткам миллионов людей в громадные политические единицы, если бы этим соединением сил имелось в виду только обеспечить жизнь, имущество и личную честь, и свободу» [1, с. 265].

Подчеркнем: свобода всегда предполагает четкое осознание приоритета общей цели, т. е. цели как таковой, а не интереса. Данилевский несколько раз обращается к этому сюжету. Интерес имеет частное происхождения. Цель всегда общая. Ведь ее форма, соборно созерцаемый образ, или эйдос, удерживает бытовое многообразие в целостности, гарантируя самобытность существования каждому ее элементу. В таком созерцании целого свободно уживаются: «умение и привычка повиноваться», «уважение и доверенность власти», «отсутствие властолюбия», «отвращение вмешиваться в то, в чем считаешь себя не компетентным» [1, с. 585].

На первый взгляд, данное понимание свободы почти ничем не отличается от того, что мы знаем со времен Аристотеля: свобода гражданина предпослана его знанием цели, т. е. пониманием того, во имя чего живет полис. Однако есть одно существенное отличие. Свобода, предпосланная разумностью и осуществляемая в гражданском формате, распространяется исключительно на тех, кто по своей природе разумен. Рабы и варвары, наделенные не разумной, а вождевающей душой, свободы не достойны. Из истории нам известно, какая цивилизационная стратегия из этого следовала, воспроизводилась с некоторыми корректировками даже крещеной Европой и воспроизводится Европой «просвещенной» по настоящее время. Данилевский по этому поводу дает исчерпывающую историографию, которую мы можем дополнить фактами, происшедшими уже после написания «России и Европы».

Что касается нашего отечества, то у нас дело обстоит иначе. И здесь мы переходим от исторического основания русско-российской цивилизации к принципам ее политической реализации, толкуемой в контексте идей Н. Я. Данилевского. А потому коротко обратимся к историографии, предложенной нашим ученым-философом и прекрасно иллюстрирующей фундаментальный признак, отличающий характер развития русско-российского государственного строительства от западно-европейского. При этом, во-первых, будем иметь в виду, что политический фактор — важнейший, необходимый, но — не последний элемент цивилизации (культурно-исторического типа) и в этом смысле не основной ее элемент. Ведь «всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание» [1, с. 34]. Тем не менее все без исключения племена имеют безусловное право на личную, гражданскую и общественную свободы [1, с. 37].

А во-вторых, будем учитывать, что данная историография отражает эпоху спонтанного, как бы естественного, развития России — непосредственного развития, не спланированного никем развития духовной интуиции, подсознательно культивируемой десятками поколениями людей, «готовившими» торжество нового культурно-исторического типа. Историографический набросок Данилевского — это не более, но и не менее чем теоретическое обобщение и концептуальная формализация сути тысячелетнего пути народа, посягнувшего на освоение огромных пространств от «Одера до Берингова пролива». Но это и руководство к действию, пренебрежение которым означает по меньшей мере невежество, а по большому счету оно ведет к цивилизационной катастрофе, о коей Данилевский тоже предупреждал.

Другими словами, мы переходим к политической философии России, имея в виду то, что начало ей как систематическое знание положил не кто иной, как Николай Яковлевич Данилевский, раскрыв ее содержание отнюдь не в геополитическом, а нравственно-психологическом контексте. Ведь вся фактура историографии России указывает на определяющую роль в ее цивилизационном становлении такой черты русского национального характера, как «великодушие».

В тексте «Россия и Европа» можно выделить три направления цивилизационной в целом и политической в частности, как наиболее очевидной, деятельности России в интересующем нас смысле: собственно российское, европейское и славянское. Понятно, что первое в нашем ряду является первым и по фактической значимости, так как оно захватывает базовый уровень оформления русско-российского миропорядка. Правда, Данилевский немного места уделяет легендарным событиям Древней Руси, несущим прежде всего символический смысл. Однако его интерпретации истории «призвания варягов», «Крещения Руси», «ордынского ига» не оставляют сомнения в том, что каждое из этих эпохальных событий могло бесследно кануть в Лету, не прояви русский народ и верховная (светская власть) власть великодушия во всех ее проявлениях: смирения и покорности, бескорыстия и щедрости, смелости и открытости, жертвенности и терпимости.

Гораздо интереснее то, что касается фактической, документально подтвержденной истории, которая начинается с установления самодержавного, т. е. независимого, русского Царства и представляет собой непрерывный процесс расширения его границ. В эту, строго говоря, подлинно политическую эпоху истории России мы и наблюдаем оформление ее цивилизационной стратегии. Финляндия, Прибалтика (Остзейские земли), Украина, Бессарабия, Армения, Грузия, Закавказье, Средняя Азия входят в состав России. И как входят? Данилевский подробно излагает эту историю в своем исследовании. Мы приведем только общий вывод: «Россия не мала, но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания» [1, с. 34]. И чуть ниже продолжает:

«Вся страна была или пустыней, или заселена полудикими финскими племенами и кочевниками; следовательно, ничто не препятствовало свободному расселению русского народа, продолжавшемуся почти во все первое тысячелетие его истории ... Он или занимал пустыни, или соединял с собой путем исторической, нисколько не насильственной ассимиляции такие племена, как чудь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва... наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли более сохранять ее, как армяне и грузины» [1, 35].

Международную политику России с момента вступления ее в «европейский концерт» отличает то же великодушие. Разве не очевидно, что Россия «в 1799, в 1805, в 1807 годах сражалась русская армия с разным успехом не за русские, а за европейские интересы»? Каждый раз «Россия принимала к сердцу интересы, ей совершенно чуждые, и с достойным всякого удивления героизмом приносила жертвы на алтарь Европы» [54]. Более того:

«...из-за этих же интересов, для нее, собственно, чуждых, навлекла она на себя грозу Двенадцатого года; когда же смела с лица земли полумилли-

онную армию и этим одним, казалось бы, уже довольно послужила свободе Европы, она не остановилась на этом, а, вопреки своим выгодам <...> два года боролась за Германию и Европу и, окончив борьбу низвержением Наполеона, точно так же спасла Францию от мщения Европы, как спасла Европу от угнетения Франции. Спустя тридцать пять лет она опять едва ли не вопреки своим интересам спасла от конечного распада Австрию, считаемую, справедливо или нет, краеугольным камнем политической системы европейских государств» [1, с. 33].

Во второй главе своего знаменитого труда Данилевский приводит еще множество разноплановых примеров, говорящих о русском великодушии по отношению к европейским державам. Но нам бы хотелось заострить внимание на польском вопросе ввиду того, что поляки — единственный славянский народ, который на протяжении почти всей своей истории был враждебен России. Не вдаваясь в хорошо известные детали этой вражды, вслед за Данилевским отметим отношение России в лице ее верховной власти к Польше после того, как ее элита продемонстрировала абсолютную политическую несостоятельность и довела свое государство до утраты суверенитета. В то время как Пруссия и Австрия приступили к систематическому онемечиванию доставшихся им после разделов польских территорий, Россия предоставляет полную культурную автономию. Более того, Александр I дарует Царству Польскому конституцию. А

«...время с 1815 по 1830 год, в которое Царство пользовалось независимым управлением, особой армией, собственными финансами и конституционными формами правления, было, без сомнения, и в материальном, и в нравственном отношении happiest временем польской истории» [1, с. 49].

А причиной тому было не что иное, как желание русского императора «осуществить свою юношескую мечту — восстановить польскую народность и тем загладить то, что ему казалось проступком его великой бабки» [1, с. 48].

Конечно, критик европоцентристского толка найдет множество контраргументов, ставящих под сомнение истинность высказанного русским мыслителем. Другое дело, сможет ли кто-нибудь опровергнуть очевидность и достоверность фактов, им предъявленных. А еще сторонники европоцентризма резонно могли бы указать на то, что в таком российском «великодушии» нет ничего, кроме политической незрелости, наивности, близорукости. И со своей точки зрения они будут правы. Как прав Данилевский в том, что, «если Россия не поймет своего назначения, ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного» [1, с. 480]. Не понятое назначение — не исполненное предназначение. А стало быть, России,

«...не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, — ничего

не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перебиваться, как исторический хлам, лишенный смысла и значения, <...> и в лучшем случае распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа» [1, с. 481].

Данилевский далек от того, чтобы идеализировать прошлое и настоящее России. Его задача в другом: в исторической ретроспективе выявить матрицу цивилизационной перспективы, в которой в полной мере может раскрыться нравственный смысл самодеятельности народа. Еще раз повторим, что Данилевский как философ ничего безоговорочно не утверждает. Как философ он все подвергает сомнению, с тем чтобы обнаружить самоочевидное непоколебимое основание. И его историография явлена как фактология, которая, пока еще выявляя только очертания такого основания, ставит задачу практического осуществления принципов, в нем содержащихся. Теоретическая история переходит, предполагает политическую практику. Правильнее будет сказать: превращается в цивилизационную стратегию.

Так и следует понимать следующие слова Данилевского:

«Удел России — удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: — а освобождать и восстанавливать; и в этом дивном, едва ли не единственном совпадении нравственных побуждений и обязанностей с политической выгодой и необходимостью нельзя не видеть залога исполнения ее великих судеб, если только мир наш не жалкое сцепление случайностей, а отражение высшего разума, правды и благости» [1, 480].

И надо полагать, что именно в осуществлении славянского единства Данилевский видел исполнение Россией исторического предназначения.

Активизация славянского вектора российской политики во второй половине XIX века в логике Данилевского предстает как первый практический шаг на пути осуществления собственной цивилизационной стратегии. То, что прежде было реактивной формой защиты своих интересов в поле международных отношений, теперь должно было стать самостоятельным заявлением, утверждением и распространением социокультурной инициативы. Осуществление всеславянского союза предполагало прежде всего пробуждение подлинного национального самосознания, освобожденного от «обывальщины», «омадыренья», «онемеченья» [1, с. 486]. Отсюда:

«...для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар <...>, — после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него

недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства» [1, 154].

Россия своим историческим опытом как бы открывает метод обретения национального самосознания, в ожидании которого находится мировая история. Истинность, продуктивность этого метода может быть подтверждена только опытом других народов. Россия обращается к народам, по глубокому убеждению Данилевского, наиболее близким ей и так же страдающим от данничества или рабства. Более того, на протяжении ста лет Россия воевала с Османской Империей на море и на суше во многом в интересах балканских и придунайских народов, с которыми русских сближало общее вероисповедания. Вместе с тем общий рост в Европе национального самосознания, и славянского в том числе, помноженный на обострение внутривосточного кризиса в Австро-Венгрии, давал много надежд на обретение независимости словенцами, чехами, словаками. Данилевский верил, что «общеславянское сознание пробудилось как у турецких, так и у австрийских славян, и надобны лишь благоприятные обстоятельства, чтобы доставить им политическую самобытность» [1, 151]. И теперь великодушие русских, которое прежде было спонтанным проявлением их психического строя, становится осознанным нравственным стремлением обрести свободу в «славянскую эру всемирной истории».

Сегодня идея всеславянского союза может показаться анахронизмом. Даже современники Данилевского, признававшие в нем выдающегося мыслителя, считали всеславянскую идею «розовым мечтанием». Критику, которой подверг ее К. Н. Леонтьев, считавший себя последователем Н. Я. Данилевского, трудно не принять — особенно учитывая характер новейшей истории народов, к кому обращена была книга «Россия и Европа». И тем не менее, даже Леонтьев был прав только в том, что касается Европы и «оевропеевых» чехов, словенцев, хорватов и т. д. В главном же «россиеведение» Н. Я. Данилевского подтверждается историческим опытом и народа России, и народов, в которых он активировал или реанимировал их собственную цивилизационную инициативу.

И пусть не всеславянский союз, но союз, намного более широкий, будет иметь

«...своим результатом не всемирное владычество, а равный и справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными ее деятелями: <...> которые сами находятся в различных возрастах развития» [1, с. 510].

А степень значимости каждого из участника такого союза будет определяться степенью их великодушия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

REFERENCES

1. Danilevsky, N. Ya. *Rossija i Evropa: vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world]. Moscow: Institute of Russian Civilization 2008. 816 p. (In Russian).